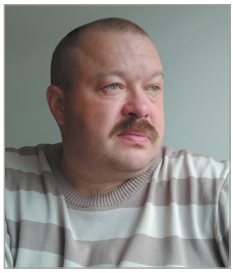
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31857/S023620070026102-9

©2023 В.Ю. ПЕРОВ, С.В. ГЛЕБОВА

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ДЕСКРИПТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ



Перов Вадим Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры этики Института философии.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
ORCID 0000-0002-9925-9527
vadimperov@gmail.com

Глебова Софья Валерьевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры русской философии и культуры Института философии.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7–9.
ORCID 0000-0002-0760-5040
sophi_ign@mail.ru

Аннотация. Проблема моральной ответственности занимает ключевое место в современных этических исследованиях. На основании сформировавшихся в академическом поле дискуссий в статье рассмотрены особенности двух основных подходов к определению моральной

Статья написана при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00379 «Трансформации морального агентства: этико-философский анализ».

УДК 17.01

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ответственности и условий ее наступления: дескриптивный и нормативный. Показано, что декларируемые в рамках дескриптивного подхода стремления к объективности вменения и аскрипции моральной ответственности вне зависимости от конкретизации содержательных моральных требований оказываются недостаточными для объяснения характеристики ответственности как моральной. Поэтому дескриптивный подход с необходимостью должен быть дополнен нормативным подходом, в рамках которого появляется возможность определить морального агента не просто как объект ответственности, но и как актора, обладающего свойством быть морально ответственным. Ключевым для разрешения вопроса о различных подходах к моральной ответственности является рассмотрение представлений о строгой и нулевой ответственности как о специфических условиях вменения ответственности агенту, невозможных в рамках применения исключительно дескриптивного подхода. Показано, что в этическом ракурсе эти виды юридической ответственности «без вины» подразумевают нормативные установки в отношении действующих лиц, которые рассматриваются как полноценные моральные агенты. Этический анализ строгой и нулевой ответственности демонстрирует условия наступления положительной моральной ответственности в рамках нормативного подхода, а именно стремление к поддержанию нормативного порядка, ориентированного на поддержание «хорошей жизни». Совместное применение дескриптивных и нормативных подходов с одновременным обращением к собственным характеристикам морального агента позволяет прояснить особенности моральной ответственности.

Ключевые слова: этика, ответственность, моральная ответственность, строгая ответственность, нулевая ответственность, моральный агент, дескриптивный подход, аскрипция, нормативный подход, хорошая жизнь.

Ссылка для цитирования: Перов В.Ю., Глебова С.В. Моральная ответственность: дескриптивный и нормативный подходы // Человек. 2023. Т. 34, № 3. С. 41–59. DOI: 10.31857/S023620070026102-9

Постановка проблемы: дескриптивный подход

Проблема моральной ответственности становится все более актуальной. Это связано, с одной стороны, с тем, что в современной этике изучение ответственности в рамках понятийного аппарата выявляет ее новые грани и интерпретации. С другой стороны, понятие ответственности напрямую связанно с целым рядом сфер социального взаимодействия моральных агентов: можно говорить об экономической, политической, исследовательской и даже исторической формах ответственности. Вопросы о природе и сущности ответственности как в общефилософском [Философия ответственности, 2014], так и собственно этическом контекстах [Прокофьев,

2006] продолжают активно исследоваться. В отечественном академическом дискурсе обсуждения специфики моральной ответственности стали более интенсивными после выхода в свет статьи Логинова Е.В., Гаврилова М.В., Мерцалова А.В., Юнусова А.Т. «Пролегомены к моральной ответственности» (2020) [Логинов и др., 2020], в которой представлен анализ проблемы ответственности в рамках дескриптивного подхода, выявлены и структурированы основные метафизические условия возникновения ответственности. Интеллектуальной реакцией на нее стал организованный в секторе этики Института философии РАН круглый стол (написанная авторами «Пролегомен…» специально для него статья «Этика и метафизика моральной ответственности» [Логинов и др., 2021]) и материалы обсуждения были опубликованы в журнале «Этическая мысль» [Материалы обсуждения «Пролегомен моральной ответственности», 2021].

В рамках данного исследования нет возможности проанализировать все аргументы и контраргументы, которые были приведены как в указанных статьях, так и в других публикациях о проблемах ответственности в упомянутых выпусках журналов. Но существенным моментом, который во многом определяет достоинства и недостатки позиции авторов «Пролегомен к моральной ответственности», является избранные ими теоретико-методологические установки. Речь идет о декларируемом в тексте обеих публикаций дескриптивном подходе с принципиальным отказом от нормативного (то есть содержательного) анализа моральной ответственности, о чем прямо и недвусмысленно заявляется: «Мой единственный итог всецело дескриптивен» [Логинов и др., 2020: 86]. Авторы сознательно выбирают своей целью наиболее общее описание, картографирование феномена моральной ответственности, выявление его структуры, акцентируя внимание на вопросах «уместности», то есть определении критериев возможного приписывания (аскрипции) ответственности моральному агенту. Следует отметить, что в выборе данного метода авторы опираются на достаточно длительную и уважаемую дескриптивную традицию в этике и философии изучения моральной ответственности (Х.Л.А. Харт, Н. Леви, Т.М. Скэнлон, П. Стросон и др.). Существует много разумных оснований для обращения именно к этическому дескриптивизму, и одно из них в очень упрощенном виде можно представить следующим образом: «*есть много разнообразных нормативных этических концепций (утилитаризм, деонтология, этика справедливости, этика добродетелей, этика заботы и т.д.), дающих вариативные ответы на моральные вопросы. Научный же подход не допускает такого многообразия. Поэтому нужно ограничиться только тем, что может быть*

основано на фактических описаниях». Подобная теоретико-методологическая установка на дескриптивизм в исследовании моральной ответственности оказывается в некоторых отношениях вполне плодотворной, более того, обращение к «фактическому положению дел» следует признать необходимым. Но остается вопрос о том, является ли такой подход достаточным и исчерпывающим в том смысле, что для понимания моральной ответственности обращение к ее нормативному содержанию правильно рассматривать как избыточное и даже ненужное.

Ограниченность дескриптивного подхода к моральной ответственности

Для ответа стоит обратиться к тому основному итогу, который был предложен авторами «Пролегоменов…» на основе проведенного анализа дескриптивно ориентированных теорий моральной ответственности: «…я извлек из тезисов различных теорий следующие структурные элементы, сбой в одном из которых не дает возложить ответственность. 1) Моральная ответственность касается моральных агентов (способных к моральному действию лиц). 2) Моральная ответственность возлагается на моральных агентов за принадлежащие им моральные факторы… 3) Моральные факторы должны с необходимостью иметь моральное значение» (выделения авторские)[1] [Логинов, 2020: 86]. Стоит согласиться, что данные положения являются крайне важными для понимания моральной ответственности, условий ее наступления и т.д. Однако при очевидных достоинствах они касаются ситуации возникновения любой ответственности и не раскрывают специфику собственно моральной ответственности. Возникает ощущение недосказанности, и создается впечатление, что все используемые понятия остаются формально бессодержательными в их нормативном значении, хотя прилагательное «нормативный» при их определениях постоянно используется, особенно во второй статье [Логинов и др., 2021: 11–12]. В качестве подтверждения этой мысли стоит обратить внимание на то, что, с одной стороны, слово «моральный» в сформулированных утверждениях может быть заменено любым другим предикатом — «политический», «экономический», «социальный» и пр. Например: *«Политическая ответственность возлагается на политических агентов за принадлежащие им*

[1] Подробнее выделенные понятия, а также понятие моральной оценки раскрываются в указанной статье по материалам круглого стола.

политические факторы» и т.д. Иными словами, слово «моральный» ничего содержательно не добавляет к понятию ответственности. С другой стороны, не менее «избыточным» выглядит и само понятие ответственности, которое вполне можно заменить на слово «моральность» (моральные свойства, качества и т.д.): *«Моральность возлагается на моральных агентов за принадлежащие им моральные факторы»*. Получается, что предложенные формулировки не дают достаточно полного ответа ни на вопрос о том, что такое ответственность, ни на вопрос, в чем состоит суть именно моральной ответственности.

Стоит подчеркнуть, что понятие «моральное» не является формальным дополнением, оно вносит некоторую специфику в изучаемое явление. Согласно Карлу Шмитту, любая сфера деятельности человека имеет специфичные для нее оппозиции: для политики это «друг–враг», для этики такой оппозицией является «добро–зло» [Шмитт, 2016]. Однако в таком случае необходимо определить, что является добром, а что злом. За какие моральные факторы на человека возлагается ответственность в форме вины или требования компенсации последствий своих действий, а за какие в форме благодарности и похвалы? И здесь обнаруживается потребность обращения к содержанию моральных норм, которые будут определять представления о добре или зле. Однако понятие о значении «морального» чаще всего так и остается нераскрытым в рамках дескриптивного подхода.

Стремление ограничиться описанием ситуации возникновения (уместности, аскрипции и т.д.) ответственности и отсылкой к интуитивному пониманию того, что есть морально «хорошо» и «плохо», приводит к тому, что причина возникновения именно моральной ответственности остается принципиально необъясненной.

Дескриптивный подход предпринимает весьма серьезную попытку преодолеть не только упомянутый выше плюрализм этических концепций, но историческую и культурную обусловленность нравственности, что порождает крайнюю неопределенность моральных суждений, как в случае феномена «новой этики»: «Если нельзя от порочных действий переходить к заключению о негативной оценке нравственного достоинства того, кто совершал их, и совершенные криминальные поступки Джорджа Флойда не помешали чествованию его личности, то точно так же общественные заслуги не могут стать основанием для нравственного возвышения того, кому они принадлежат, и государственные достижения Джорджа Вашингтона не могут отменить его персонального позора как рабовладельца» [Гусейнов, 2021: 99]. Возникает резонный вопрос: почему в каком-то случае сомнительно добродетельный моральный агент становится морально одобряемым

(положительная моральная ответственность), тогда как другого не извиняют за исторически обусловленные моральные заблуждения? При решении подобных вопросов недостаточно обратиться только к моральным интуициям оценивающих, требуются более надежные и верифицируемые основания.

Попыткой выхода из подобного положения дел становится увязывание понятия «ответственность» с фактом «уместности» моральных реакций, т.е. уместности приписывания моральной ответственности. Не останавливаясь долго еще раз на той проблеме, что феномен уместности так же не определим, как «моральный фактор»: «уместность» есть далее не анализируемое отношение [Zimmermann, 2015: 49]. «Так бывает: например, шутки тогда смешны, когда они смешны, когда стоят того, чтобы над ними посмеяться. Тут нельзя дальше анализировать, больше никак не объяснишь. Так и люди заслуживают осуждения, когда стоит их осуждать, — вот и все» [Логинов и др., 2020: 37].

Рассмотрим проблемы, возникающие при попытках аскриптивного понимания ответственности, которые исторически уходят своим корнями в концепции Г.Л.А. Харта и П. Стросона. Харт напрямую связывает аскриптивные высказывания типа «Это твое», «Это его» с приписыванием агенту некоторых прав на обладание и распоряжение предметом, на который указывает слово «это». Отталкиваясь от этой установки, Харт идет дальше: «Я полагаю, что предложения “Это сделал я”, “Это сделал ты”, “Это сделал он” главным образом представляют собой произнесения, посредством которых мы признаем или допускаем ответственность, выдвигаем обвинения или приписываем ответственность» [Харт, 2017: 45]. Впервые именно Герберт Харт полностью отказывается от представлений о волеизъявлении самого субъекта для предписывания ему действия и последствий этого действия, Харт утверждает, что «когда мы приписываем действие человеку, вопрос, имело ли место психологическое “событие”, вообще не подходит к этой предлагаемой позитивной форме, но подходит к форме исследования того, охватывается ли данный случай каким-то из этих смягчающих возражений» [там же: 49], то есть произошло ли это случайно или агента кто-то заставил и пр. П. Стросон рассматривает проблему ответственности в рамках детерминистских концепций и тоже говорит о возможностях, при которых в условиях детерминизма тем не менее все же можно возложить на человека ответственность: «истина детерминизма не поколеблет основ понятия моральной ответственности и практики морального осуждения и наказания <…> Эти практики представлены исключительно как инструменты политики, как методы индивидуального лечения и социального контроля» [Strawson, 1962: 206]. Кроме того, Стросон считает, что

и моральные реакции так же могут быть требуемы от морального агента в связи с той или иной ситуацией.

При всех имеющихся достоинствах аскриптивных концепций такие интерпретации ответственности ставят под сомнение моральный компонент самого поступка: «заслугой этой теории является то, что она открыта морально нейтральному исследованию действия» [Рикер, 2005: 51]. В рамках аскриптивного подхода мы можем лишь приписать какою-либо моральную характеристику действия какого-либо агента извне. Аскриптивный подход не позволяет строго разграничить морального агента от неморального агента: «возложение ответственности мыслится ими как происходящее извне. При этом не уделяется внимания тому, кто и в каких ситуациях обладает такой прерогативой, а если ею обладают все, то, как строится и чем обеспечивается процесс взаимодействия между моральными агентами?» [Апресян* и др., 2021: 35]. Более того, в рамках аскриптивного подхода моральный агент определяется как «объект моральной оценки — [тот], на кого может быть возложена моральная ответственность» [Логинов и др., 2021: 11]. Получается, что моральный агент — это не действующий актор, обладатель каких-то моральных качеств характера, которые, воплощаясь в действиях, придают моральную значимость поступкам. Моральный агент из инициатора деятельности превращается лишь в объект оценки и приписывания моральной ответственности со стороны Другого. В связи с чем появляется, как отмечает Р.Г. Апресян, вопрос о характере этого Другого, является ли он субъектом или же объектом моральной оценки [Апресян и др., 2021: 35–36]. Кроме того, можно поставить неразрешимый с позиций аскриптивизма вопрос об ответственности того, кто накладывает ответственность. А если объект ее не заслужил или недостоин?

Игнорируя возможность для морального агента самому быть ответственным или ограничивая самовозложение моральным агентом ответственности на себя, аскриптивный подход не позволяет удовлетворительно объяснить причины приписывания ответственности одним лицам или отказа в этом другим. Самым простым и наглядным примером может быть взросление детей. Почему с определенного возраста дети становятся в какой-то степени морально ответственными? В противоположность чисто аскриптивному подходу ответ может быть следующим: потому что дети становятся хотя бы ограниченно ответственными, что и фиксируется в соответствующей социально и исторически обусловленной моральной нормативности. Как отмечал Д. Юм, «поступок должен быть добродетельным, прежде чем мы можем признать его добродетельность» [Юм, 1996: 519] — эта мысль кажется

принципиальной в рамках данной дискуссии. Применительно к моральной ответственности это означает, что, для того чтобы приписать ответственность, моральный агент должен *быть* морально ответственным, то есть обладать характеристиками моральной ответственности. В итоге приходится, как и П. Рикер, заключить, что невозможно утверждать, что «теории “аскрипции” достаточно для реконструкции понятия ответственности» [Рикер, 2005: 51–52].

Обращение к этическим взглядам Юма в контексте дескриптивной традиции понимания ответственности важно, поскольку он подчеркивал, что моральной оценке подлежит именно мотив поступка, но в опыте нам представлены лишь сами поступки, которые есть не более чем доступные для описания внешние проявления и знаки вызвавших их мотивов [Юм, 1996: 518]. Мы никогда не знаем точно, каким именно мотивом руководствовался моральный агент при совершении данного поступка, однако можно постараться реконструировать его на основании наших собственных представлений как морального агента и на основании доступного нам морального опыта человечества. Для решения вопроса о мотиве дескриптивный подход предлагает представление об эпистемическом условии ответственности (наряду с условием контроля и отдельно выделяющимся отечественными авторами психологическим условием) [Логинов и др., 2021].

Под эпистемическим условием обычно понимается возможность осознания моральным агентом собственного поступка; отдельно выделяются такие аспекты, как знание о конкретном моральном значении, о возможности совершения альтернативных действий, осознание последствий действий, которые мы совершаем, и т.д. Однако для того чтобы оставаться в рамках моральной ответственности, приходится признать, что для каждого из этих параметров критически важным является его анализ с точки зрения возможности моральным агентом оценить все эти аспекты относительно собственных знаний о «добре» и «зле». Что вновь приводит нас, с одной стороны, к пониманию о том, что «сама идея абсолютности истины обязывает человека считать относительным любое из ее конкретных воплощений» [Гусейнов, 2021: 101–102], а с другой — к потребности конкретно оценивать тот или иной поступок морально «здесь и сейчас».

Вопрос возможности знания мотива крайне важен для этики ответственности потому, что мотив является непосредственной частью представления о поступке вообще, о его источниках и побудительных причинах. Стоит признать, что в некоторых случаях даже сам моральный агент не может в полной мере восстановить мотивы собственного нравственного выбора, и нормативный

подход позволяет как раз остановиться на «достаточном» основании, позволяющем на практике оперировать понятием мотива. Иными словами, на помощь сугубо гносеологической (эпистемической) рациональности приходит практическая рациональность, подобно тому, как Диоген Синопский ходил для опровержения апорий Зенона о невозможности движения. Аналогично, даже имея в этических теориях и социальной действительности потенциально бесконечный набор моральных норм и ценностей, в реальной жизни люди вынуждены пользоваться их ограниченным числом, которое определяется практическими потребностями жизни человека и общества.

Моральная ответственность: особенности нормативного подхода

Дескриптивный подход позволяет ответить на вопрос «что такое ответственность», но в рамках моральной философии все еще остается открытым вопрос о *должном* применении принципов ответственности. Ключевым моментом наступления ответственности является нарушение существующих норм. Практический нормативный аспект ответственности становится показательным при обращении к сфере права, в том числе и потому, что юридическая ответственность не ограничивается письменными нормами и правовыми теориями, а обязательно воплощается в правоприменительные практики. При этом важно, что в праве явным образом осознается непосредственная взаимосвязь между существованием нормы и ответственностью. В контексте данного исследования нет возможности провести сравнительный анализ юридической и моральной ответственности, рассмотреть многочисленные вопросы об их взаимном влиянии. Имеет смысл ограничиться констатацией того, что при установлении различных юридических норм люди руководствуются в том числе и моральными соображениями. Кроме того, право как совокупность норм, имеющая в основе принцип справедливости, призвано обществом защищать в том числе и нравственную нормативность. При этом последующие рассуждения ни в коем случае не претендуют на правоведческий статус, а являются этическим анализом некоторых аспектов юридической ответственности.

Обычно когда речь заходит об ответственности в правовом поле, то в качестве примеров вполне оправданно обращаются к сфере публичного, прежде всего уголовного, права. Но есть основания полагать, что в контексте настоящего исследования о моральной ответственности более продуктивным будет

обращение к некоторым этически значимым аспектам гражданской ответственности.

В рамках рассмотрения гражданской ответственности существуют два значимых для этики понятия: строгая и нулевая ответственность. Строгая ответственность — это ответственность без вины, без умысла. Если Уголовный кодекс отказывает в наступлении уголовной ответственности без умысла — «объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается» согласно ч. 5 ст. 2 УК РФ, где вина и трактуется прежде всего как наличие сознательного мотива к совершению действия с возможными последствиям (ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно») или когда мотивация обусловлена легкомысленным или пренебрежительным отношением (ст. 26 УК РФ «Преступление, совершенное по неосторожности») [Уголовный кодекс РФ]. Здесь стоит снова упомянуть слова Д. Юма о невозможности точного знания намерений (мотива), но правоприменение, хотя иногда и с ошибками, практически справляется с возникающими проблемами. В отличие от уголовного, гражданское право в некоторых случаях вообще не обращается к вопросу об умышленности действий. В российском гражданском праве есть целый ряд статей, которые прямо или косвенно говорят об ответственности «без вины»: «ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» (ч. 2 ст. 1079) [Гражданский кодекс РФ, 1996]. В качестве примера можно привести водителя автомобиля, при определении ответственности которого не столь существенно, имелся хотя бы косвенный умысел создания условий для дорожно-транспортного происшествия. Более того, нормы строгой ответственности предполагают наказание даже при условии отсутствия каких-то негативных последствий в виде аварии или нанесения вреда. Такая ответственность в виде наказания налагается за сам факт нарушения правил (норм), например за превышение разрешенной скорости. Строгая ответственность возлагается также на работников органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в случае если в рамках их работы был нанесен вред, даже в случае, если вина их не доказана (ст. 1070) [там же]. В качестве морально значимой строгая ответственность применяется в отношении ответственных лиц (родителей, опекунов несовершеннолетних, попечителей душевнобольных) и пр. Кроме того, строгая ответственность возлагается на руководителей трудовых коллективов за деятельность своих работников. При этом, опираясь исключительно на дескриптивный подход, говорить о строгой ответственности невозможно вообще, так как

упомянутые моральные факторы не принадлежат тем моральным агентам, на которых ответственность возлагается.

Еще один крайне важный аспект для понимания моральной ответственности — это существующая в некоторых юрисдикциях (например, в США) нулевая ответственность. Она используется в отношении медицинских работников и фармацевтических компаний в случаях, когда лечение и медицинские процедуры были осуществлены в строгом соответствии с требованиями и инструкциями, фармацевтический продукт прошел все испытания, но в отдельном случае был нанесен вред здоровью пациента (t. 42, § 300aa–22) [U.S. Code]. Здесь также виден нормативный аспект ответственности: *«все должно быть сделано правильно (по правилам)»*.

Обращение к особенностям строгой и нулевой ответственности дает возможность по-новому взглянуть на понимание моральной ответственности. С одной стороны, в них присутствуют элементы аскриптивного подхода, поскольку ответственность понимается вне зависимости от виновности морального агента в смысле осознанности и умышленности совершения действия конкретным лицом. С другой стороны, в этих видах ответственности присутствует то, что относится к нормативной стороне ответственности, так как присутствует аналог того, что в праве понимается под презумпцией невиновности — когда мы говорим о нулевой или о строгой ответственности, то появляется представление о презумпции моральной вменяемости тех, в отношении кого они применяются (в российском гражданском праве этот момент представлен в принципе добросовестности в части первой ст. 1 п. 1 [Гражданский кодекс РФ, 1994], который имеет и элементы презумпции (ч. 1, ст. 10., п. 5) [там же]).

Похожие характеристики мы можем обнаружить в области не только правовой, но и моральной ответственности — в профессиональных этиках. Строгая ответственность предполагает повышенные требования, предъявляемые к ряду профессий (учитель, полицейский, ученый и пр.) или даже социальному статусу (родитель). Нулевая ответственность проявляется посредством компенсаторной функции профессиональной этики: если все пункты этического кодекса и все инструкции были соблюдены, но, например, новостная статья вызвала широкий общественный резонанс и серьезные социальные последствия, то нравственная ответственность журналиста за эти последствия может в том числе рассматриваться не просто как ее отсутствие, но и как нулевая моральная ответственность.

Существование строгой и нулевой ответственности предполагает, что действующие лица являются полноценными моральными

агентами. Во-первых, они знают, что такое добро и зло. Благо представляется в данном случае целью или обязательным телеологическим элементом действий. Во-вторых, в соответствии с презумпцией моральной вменяемости, действия осуществляются тем или иным моральным агентом с учетом существующих и известных им правил. В-третьих, имплицитно подразумевается, что моральные агенты способны предвидеть возможные, в том числе негативные, последствия своих действий, оценивать риски и предпринимать усилия по их предотвращению. Данные обстоятельства можно проиллюстрировать на тех примерах, которые были приведены при описании строгой и нулевой ответственности.

1. Водители транспортных средств как люди, оперирующие источником повышенной опасности, являются морально вменяемыми. Предполагается, что обладающие водительскими правами являются полностью дееспособными и хорошо знают свои обязанности: «Участники дорожного движения должны действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения и не причинять вреда. <…> Лицо, создавшее помеху, обязано принять все возможные меры для ее устранения, а если это невозможно, то доступными средствами обеспечить информирование участников движения об опасности и сообщить в полицию» (ПДД п. 1.5) [Постановление Правительства РФ № 1090, 1993]. Водителям также вменяется ответственность за усилия по предотвращению дорожно-транспортного происшествия даже в условиях, если причиной этого происшествия не является сам водитель: «При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства» (ПДД п. 10.1) [там же]. К профилактике аварийных ситуаций на дороге можно также отнести регулярную проверку состояния транспортного средства (ПДД п. 2.3.1.) [там же], сохранение трезвого состояния сознания при ведении автомобиля (ПДД п. 2.7.) [там же] и пр. При этом четко обозначено «благо как цель» соблюдения правил дорожного движения: «обеспечение порядка и безопасности» [там же], то есть при составлении правил учтена их конкретная цель, обозначена ценность, которой эти нормы подчинены. Предполагается, что эти правила являются нормативными установками для водителей. Конечно, когда мы говорим об общественном благе, очень трудно определить какую-то конкретную ценность (благо как цель), но в рамках конкретной нормативной системы чаще всего она присутствует. Моральные агенты осведомлены об этой цели и, осуществляя деятельность в рамках данной нормативной системы, соотносят свои поступки с этой благой целью. Наконец предполагается, что водители оценивают

риски своих действий. Эта обязанность принимается водителями вместе с приобретением водительских прав и в тот момент, как они садятся за руль автомобиля.

2. Строгая ответственность в отношении определенных должностных лиц во многом обусловлена особыми моральными требованиями к профессиональной деятельности. Какие-либо специфические права (носить оружие, резать людей скальпелем, воспитывать детей, учить людей и пр.) предполагают у морального агента повышенную моральную ответственность: «В обществе возникает явное или неявное требование к тому, что подобные права могут быть предоставлены порядочным, то есть хорошим в моральном отношении, людям, которые не будут злоупотреблять этими правами в том смысле, что они не превратятся в привилегии» [Перов, 2017: 73]. В рамках такого долженствования общество, с одной стороны, накладывает ответственность на самого морального агента, а с другой — вменяет ему ответственность за деятельность того института, представителем которого тот является. Такие отношения побуждают, например, работников правоохранительной системы не только заботиться о собственных поступках, но и быть ответственными за существование качественной правовой системы в целом, что в какой-то степени и воплощается в идее строгой ответственности, которая наступает даже без установления виновности конкретного должностного лица.

3. Вопрос о нулевой ответственности актуализировался в связи с пандемией и активным вниманием к проблеме вакцинации. В результате распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в очередной раз были артикулированы весьма весомые аргументы в пользу обязательной вакцинации населения, следствием чего стало введение целого ряда мер по стимулированию населения к вакцинации: от обязательной (Индонезия, Саудовская Аравия и пр.) до введения «прицельных мер» — «ковидных паспортов», введения обязательной вакцинации для определенных групп населения и пр. (Китай, Индия, Россия и др.). В связи с распространением вакцинации появилась также потребность регулировать отношения между врачом и пациентом в случае наступления побочных эффектов или просто недовольства пациента. В рамках отношений, которые могут быть охарактеризованы как «нулевая ответственность», предполагается, что действия врачей являются правильными. Их можно трактовать как моральных агентов, соблюдающих процедуры (правила), направленные на благую цель (здоровье населения). Кроме того, нулевая ответственность также предполагает некоторую специфичность морального агента (добросовестность): врач владеет информацией о правилах вакцинации, может оценить состояние пациента (и в случае нулевой

ответственности оценил его верно), вакцина прошла все этапы испытаний, медицинский работник осведомлен об этом и т.д. В случае соблюдения всех перечисленных условий, если вакцина все же имела побочные эффекты, врачи являются виновными (нулевая ответственность), то есть к ним не будут применены негативные санкции. Следует подчеркнуть, что нулевая ответственность означает именно отсутствие виновности и необходимости наказания. В случае нулевой ответственности все действия являются ответственными, то есть согласованными с существующими нормами. Это подчеркивает, что нормативный аспект морально ответственного поведения в положительном смысле — это следование правилам (хотя нужно отметить, что в российском законодательстве «нулевая ответственность» нормативно не закреплена, что не отменяет ее морального смысла).

Обращение к нормативно-телеологическому аспекту моральной ответственности возвращает к проблеме плюрализма «морально хорошего/правильного/должного». Если в правилах дорожного движения или вакцинации морально значимые цели понятны, то в отношении человеческой жизнедеятельности это не столь очевидно. Не имея возможности рассмотреть многочисленные проблемы, возникающие при обсуждении вопроса о том, являются ли моральные нормы универсальными или конкретными, следует кратко обратить внимание на следующие теоретические и практические обстоятельства. Во-первых, несмотря на многообразие этических теорий, в большинстве из них существует согласие по поводу основных моральных норм. Трудно назвать этические теории, в которых обосновываются нормы, предписывающие убийства, кражи, насилие, неуважение к другим людям и т.д. Разногласия чаще касаются способа их обоснования или особенностей конкретизации. Нет сомнений, что имеющиеся расхождения очень важны и заслуживают пристального внимания, но это не отменяет наличия теоретических представлений об общей морали. Во-вторых, стоит обратить внимание, что возникновение ответственности (юридической, моральной, политической и т.д.) связано прежде всего с теми сферами жизнедеятельности и поступками, в отношении которых существует более или менее устойчивое согласие. Более того, в тех областях, в которых допускается плюрализм мыслей и действий, ответственность, по крайней мере в виде наказания, вообще не применяется. Так, свобода политического выбора не предполагает наказания за сделанный избирательный выбор при соблюдении норм избирательного законодательства. Ответственность предусмотрена как раз за вмешательство в выборы, в том числе исходя из их ценности,

в частности моральной ценности свободы выборов, по поводу которых в обществе существует нормативно закрепленное согласие.

* * *

Поэтому, принимая нормативный подход и как реальный факт наличие общей морали, становится возможным сформулировать понимание моральной ответственности следующим образом: «Моральная ответственность связана с созданием, поддержанием и возможным реформированием нормативной составляющей исторически обусловленной социальной реальности как среды обитания человека и общества… Именно поддержание нормативного порядка, обеспечивающего возможность совместной жизнедеятельности людей, и есть предмет моральной ответственности, которая может рассматриваться в плане морального долженствования» [Философия ответственности, 2014: 188]. На основании данного подхода моральная ответственность действительно может быть отнесена непосредственно моральному агенту как его внутренняя характеристика, побуждающая его к сохранению внешнего социального порядка, обеспечивающего то, что может быть охарактеризовано как «хорошая жизнь». И понимание этой «хорошей жизни» с необходимостью включает представление об ответственных моральных агентах как о «хороших» или «плохих» людях. Конечно, трудно и иногда бессмысленно предсказывать будущее. Тем не менее, обращаясь к упомянутому выше примеру с «новой этикой», есть все основания предполагать, что возвеличенная в определенный момент личность Джорджа Флойда уйдет «на задворки истории» (по крайней мере, массового морального сознания), а Джордж Вашингтон, пусть с оговорками в отношении его статуса как рабовладельца, останется почитаем и среди потомков. Подобного рода предположения могут быть аргументированы практически в любой нормативной этической концепции. С точки зрения выводов об их моральной правильности не будет больших различий между утилитаризмом, деонтологией, этикой справедливости, этикой добродетели, этикой заботы и т.д. В контексте обсуждения моральной ответственности следует добавить, что героизация Флойда во многом была вызвана его «статусом жертвы» полицейского произвола, что возвращает нас к проблемам строгой ответственности должностных лиц (хотя в данном случае вина полицейского была доказана в уголовном суде).

Проведенное исследование показало, что, во-первых, для объяснения моральной ответственности имеет смысл использовать дескриптивный, в частности аскриптивный, подход, который позволяет установить фактические обстоятельства наступления

ответственности. Во-вторых, необходим содержательно-нормативный аспект, в связи с которым становится возможным оценить соблюдение или несоблюдение тех условий, следствием которых является наступление ответственности, а также условия, исходя из которых моральный агент становится таковым. В случае использования исключительно дескриптивного подхода к представлению о моральной ответственности исчезают собственно моральные качества агента в связи с отсутствием их оснований — нормативных установок и целей поступков моральных агентов. В-третьих, нормативно-телеологический подход позволяет предположить мотив действия агента и сопоставить его с целью деятельности. Оценив результат (достижение или продвижение к достижению цели) можно говорить о (не)наступлении моральной ответственности. Более того, данный подход позволяет избежать постоянной перепроверки моральных качеств. Ситуации строгой и нулевой ответственности с особенной ясностью позволяют продемонстрировать тот факт, что наступление ответственности возможно только в отношении того индивида, который, с одной стороны, признается обществом в качестве морального агента, а с другой — является моральным агентом, демонстрируя свои моральные качества в поддержании морального нормативного порядка как конкретных сфер поведения и жизнедеятельности, так и «хорошей жизни» человека и общества.

Moral Responsibility: Descriptive and Normative Approaches

Vadim Y. Perov
PhD, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Ethics, Institute of Philosophy.
Saint-Petersburg State University.
7–9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation.
ORCID 0000-0002-9925-9527
vadimperov@gmail.com

Sofia V. Glebova
PhD, Assistant at the Department of Russian Philosophy and Culture, Institute of Philosophy.
Saint-Petersburg State University.
7–9 Universitetskaya Emb., 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation.
ORCID 0000-0002-0760-5040
sophi_ign@mail.ru

Abstract. The problem of moral responsibility occupies a key place in modern ethical studies. Based on the discussions formed in the academic field, the article considers the features of two main approaches to the definition

of moral responsibility and the conditions for its onset: descriptive and normative. It is shown that despite the fact that the descriptive approach aspires for objectivity of imputation and ascription of moral responsibility, regardless of the specification of substantive moral requirements, it is still insufficient to explain the characterization of responsibility as moral. Therefore, the descriptive approach must necessarily be supplemented by a normative approach, so it becomes possible to define a moral agent not just as an object of responsibility, but also as an actor with the property of being morally responsible. The key to resolving the issue of different approaches to moral responsibility is to consider the concepts of strict and zero responsibility as specific conditions for imputing responsibility to an agent, which are impossible within the framework of an exclusively descriptive approach. It is shown that from an ethical perspective, these types of legal responsibility "without fault" imply normative attitudes towards actors who are considered as full-fledged moral agents. The ethical analysis of strict and zero responsibility demonstrates the conditions for the positive moral responsibility within the framework of the normative approach, namely the desire to maintain a normative order focused on maintaining the "good life". The combined use of descriptive and normative approaches with simultaneous reference to the moral agent's own characteristics makes it possible to clarify the features of moral responsibility.

Keywords: ethics, responsibility, moral responsibility, strict responsibility, zero responsibility, moral agent, descriptive approach, ascription, normative approach, good life.

For citation: Perov V.Y., Glebova S.V. Moral Responsibility: Descriptive and Normative Approaches // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 3. P. 41–59. DOI: 10.31857/S023620070026102-9

Литература/References

Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 51 от 30.11.1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 25.02.2023).

Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two)]: Federal'nyj zakon N 51 from 30 November 1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of access: 25.02.2023).

Гусейнов А.А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 91–106.

Guseynov A.A. Chto novogo v "novoj etike"? [What is new in the "new Ethics"]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. 2021. Issue 58. P. 91–106.

Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Пролегомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100.

Loginov E.V., Gavrilov M.V., Mercalov A.V., Yunusov A.T. Prolegomeny k moral'noj otvetstvennosti. *Finikovyj Kompot*. 2020. N 15. P. 3–100.

Логинов Е.В., Гаврилов М.В., Мерцалов А.В., Юнусов А.Т. Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая мысль. 2021. Т. 21, № 2. С. 35–47.

Loginov E.V., Gavrilov M.V., Mercalov A.V., Yunusov A.T. Etika i metafizika moral'noj otvetstvennosti [Ethics and Metaphysics of Moral Responsibility]. *Eticheskaya mysl'*. 2021. Vol. 21, N 2. P. 35–47.

Апресян Р.Г., Беседин А.П., Васильев В.В., Костикова А.А. и др.* Материалы обсуждения «Пролегомен к моральной ответственности» // Этическая мысль. 2021. Т. 21, № 2. С. 35–47.

Apressyan R.G.*, Besedin A.P., Vasil'ev V.V., Kostikova A.A. et al. Materialy obsuzhdeniya "Prolegomen k moral'noj otvetstvennosti" [Proceedings of a Discussion on "Prolegomena to Moral Responsibility"]. *Eticheskaya mysl'*. 2021. Vol. 21, N 2. P. 35–47.

Перов В.Ю. Каким профессиям нужна профессиональная этика?// Ведомости прикладной этики. 2017. № 50. С. 67–78.

Perov V.Yu. Kakim professiyam nuzhna professional'naya etika? [Which professions need professional ethics?]. *Vedomosti prikladnoj etiki*. 2017. N 50. P. 67–78.

Постановление Правительства Российской Федерации «О Правилах дорожного движения» № 1090 от 23.10.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 25.02.2023).

Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii "O Pravilah dorozhnogo dvizheniya" [Decree of the Government of the Russian Federation "On the Rules of the Road"]: N 1090 from 23.10.1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (date of access: 25.02.2023).

Прокофьев А.В. Справедливость и ответственность: социально-этические проблемы в философии морали. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2006.

Prokof'ev A.V. *Spravedlivost' i otvetstvennost': social'no-eticheskie problemy v filosofii morali* [Justice and Responsibility: Social and Ethical Problems in Moral Philosophy]. Tula: Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L.N. Tolstogo Publ., 2006.

Рикер П. Понятие ответственности: опыт семантического анализа / Справедливое. М.: Гнозис/Логос, 2005. С. 41–61.

Riker P. *Ponyatie otvetstvennosti: opyt semanticheskogo analiza* [The Concept of Responsibility: an Essay in Semantic Analysis]. *Spravedlivoe*. Moscow: Gnozis/Logos Publ., 2005. P. 41–61.

Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 от 13.06.1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.02.2023).

Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Criminal Code of the Russian Federation]: Federal'nyj zakon N 63 from 13 June 1996. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: 25.02.2023).

Философия ответственности / под ред. Е.Н. Лисанюк, В.Ю. Перова. СПб.: Наука, 2014.

Filosofiya otvetstvennosti [Philosophy of Responsibility], pod red. E.N. Lisanyuk, V.Yu. Perova. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014.

Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав / Философия языка и права. М.: Канон+, 2017. С. 27–52.

Hart H.L.A. *Pripisyvanie otvetstvennosti i prav* [The Ascription of Responsibility and Rights]. Filosofiya yazyka i prava. Moscow: Kanon+ Publ., 2017. P. 27–52.

Шмитт К. Понятие политического. М.: Наука, 2016.

Schmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Moscow: Nauka Publ., 2016.

Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С.И. Церетели и др.; вступ. ст. А.Ф. Грязнова; примеч. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1996. С. 63–656.

Hume D. *Traktat o chelovecheskoj prirode, ili popytka primenit' osnovannyj na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym predmetam* [A Treatise of Human Nature]. Hume D. Sochineniya v 2 t. T. 1 [Works in 2 Vol. Vol. 1]. Transl. from English by S.I. Cereteli et al.; intr. by. A.F. Gryaznov; comm. by I.S. Narsky. Moscow: Mysl' Publ., 1996. P. 63–656.

Strawson P. *Freedom and Resentment*. Proceedings of the British Academy 1962. N 48. P. 187–211.

U.S. Code. Standards of responsibility: Title 42 The Public Health and Welfare. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42 (date of access: 25.02.2023).

Zimmermann M.J. *Varieties of Moral Responsibility*. The Nature of Moral Responsibility: New Essays the Nature of Moral Responsibility: New Essays. Clarke R., McKenna M., Smith A.M. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. P. 45–64.